

ЭТНО
МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

13

Этнометодология

журнал методологии этнографических исследований

Выпуск 13

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN D.S.LIKHACHEV INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 13

Moscow 2008

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ им. Д.С.ЛИХАЧЕВА

Этнометодология:

проблемы, подходы, концепции

Выпуск 13

Москва 2008

Редакторы-составители

А.А.Пископнель
В.Р.Рокитянский
Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 13.
Сборник статей – М., 2008. – 180 с.

ISBN 978-5-86443-152-8

В данный выпуск вошли две статьи, одна из которых, посвящена анализу взглядов современных антиглобалистов, а другая – судьбам российской антропологии. Кроме того, в сборник включен текст игры-дискуссии, где сталкиваются различные подходы к интерпретации смысла и значения культурнонаследнической деятельности.

Содержание Contents

От редакторов-составителей Editors' Foreword	6
А.А. Пископпель. От западников и славянофилов до глобалистов и антиглобалистов A.A.Piskoppel. From Westernizers and Slavophiles to Globalists and Anti-Globalists	9
С.В.Соколовский. «Российская антропология: цена самобытности S.V.Sokolovskiy. Russian Anthropology: the Price of Distinctiveness	32
Культуронаследническая деятельность (КНД) и ее понятийное окружение (игра-дискуссия) Culture-inheritance activity and its concepts (a discussion game)	63

От редакторов-составителей

В тринадцатый выпуск сборника «Этно-методология» включены статьи, отражающие результаты работы в нескольких направлениях исследований, являющихся традиционными для этой серии публикаций.

В статье **А.А. Пископпеля «От западников и славянофилов до глобалистов и антиглобалистов»** обсуждаются взгляды отечественных антиглобалистов на процессы глобализации. В их отношении к современным процессам глобализации и критике ее последствий прослеживаются ценностные установки и аргументы, выдвигавшиеся еще их идейными предшественниками – славянофилами в их полемике с западниками. Воспроизведение основных коллизий этого дискурса в наше время и в новых условиях наглядно демонстрирует, что он так и не стал данью истории – ни в идейном, ни в социально-организационном плане. Мы все еще находимся в его силовом поле. Вот почему, несмотря на то, что он вроде бы был вдоль и поперек проанализирован и откомментирован под разными углами зрения, с разных позиций, каждый раз возникает необходимость так или иначе как обращаться, так и заново самоопределяться по отношению к нему, к его содержанию. Акцент в рамках этого самоопределения сделан на анализе позиции Н.Я. Данилевского и его концепции «культурно-исторических типов». Этот анализ позволяет утверждать, что теоретико-познавательный постулат о субстанциональности и следующей из нее объективной несравнимости «цивилизаций», «культурных типов», не вы-

Editors' Foreword

The thirteenth issue of "Ethnomethodology" includes articles reflecting the results of several study directions which are traditional for this publication series.

In the article by **A.A. Piskoppel, "From Westernizers and Slavophiles to Globalists and Anti-Globalists"** the views of Russian anti-globalists on the processes of globalization are discussed. In their attitude to modern globalization processes and criticism of its consequences one can trace values and arguments of their ideological predecessors – slavophiles in their polemics with westernizers. Repetition of main collisions of this discourse in our days shows vividly that it has not become history – neither ideologically, nor as a social-organizational phenomenon. We are still influenced by its energies. That is why, though it has been thoroughly analyzed and commented from various perspectives and positions, it is necessary now and again to look at it and to take a stance towards it, towards its contents. Here N. Ya. Danilevsky's concept of "cultural-historical types" has been made a focus of attention. The analysis thereof makes for a conclusion that the theoretical postulate of substantiality and of the following from it objective non-comparability of "civilizations", "cultural types" does not stand up to criticism, because such a comparison did and does take place in reality and its results did and do

держивает критики, поскольку такое сравнение происходило и происходит реально-практически и результаты подобного «сравнения» решающим образом сказывались и сказываются на исторической судьбе народов и культур. В качестве же постулата практико-методологического, преследующего цель защитить и обеспечить «самобытное» развитие своей общности, он оказывается парадоксальным образом в общем случае вредным, а порой и губительным для этой общности, не укрепляет, а ослабляет ее жизнеспособность.

С.В.Соколовский в своей статье «**Российская антропология: цена самобытности**» прослеживает траекторию развития и смены теоретических ориентаций и исследовательских объектов в российских антропологических дисциплинах за последние сто лет, отмечая те тропы и топосы российской антропологической мысли, которые он называет «прошлым в настоящем» и которые, по его мнению, препятствуют успешной реинтеграции российской антропологии и тому, чтобы она заняла положение, равноправное с другими национальными традициями (прежде всего, с антропологиями США, Великобритании, Франции и Германии). К числу таких топосов он относит натурализацию категорий идентичности, связанных с языком и культурой, экзотизацию объектов исследования и иерархизацию мест полевой работы по степени престижности, темпорализацию различий – размещение одновременно бытующих народов и культур на эволюционной шкале, территориализацию этничности – картографирование «прародин» и «территорий традиционного проживания». Он перечисляет также ряд институциональных факторов, являющихся барьерами на пути реинтеграции: плохую комплектацию

affect historical destiny of peoples and cultures. As for its function as a practical and methodical postulate aimed at the protection and maintenance of “indigenous” development of one’s community it comes paradoxically to be generally harmful and sometimes even disastrous for this community, not strengthening but weakening its viability.

S.V.Sokolovskiy in his article “**Russian Anthropology: the Price of Distinctiveness**” traces the trajectory of changing theoretical perspectives and research objects of Russian anthropological disciplines within the last hundred years and isolates tropes and topoi of Russian anthropological thought that belong to what he calls “the past in the present” and that impede, in his opinion, the reintegration of Russian anthropology into the world anthropological mainstream. The marginal place of contemporary Russian anthropology among the other main national traditions of anthropological research (notably American, British, French, and German) is determined, in his view, by its predominant focus on ethnicity research with its concomitant naturalization and territorialization of ethnic phenomena, as well as treatment of anthropological Others as exotic and backward. He mentions also some institutional barriers that block

научных библиотек современной антропологической литературой, включая отсутствие бесплатного онлайн-доступа к ведущим международным антропологическим журналам и базам данных; отсутствие масштабных переводческих программ; низкий уровень обучения и плохое качество учебников по антропологии и др.

Игра-дискуссия «**Культуронаследническая деятельность (КНД) и ее понятийное окружение**», текст которой также публикуется в данном сборнике, проходила в два этапа. На первом этапе был осуществлен свободный обмен мнениями по поводу КНД, в ходе которого участники представляли определенные позиции. Одна из них – «традиционалистская» – была выбрана в качестве фокуса для дальнейшего обсуждения. Фрагменты первоначального обсуждения были рассортированы по семи выбранным темам и стали исходным материалом для обсуждения на втором этапе.

reintegration: lack of adequate library funding, the absence of large-scale translation programs of anthropological literature, low educational standards, low quality of Russian anthropological textbooks etc.

A discussion game “**Culture-inheritance activity and its concepts**” also published in the issue was held in two stages. At the first stage there was a free exchange of opinions on the subject of discussion wherein each participant was presenting a definite position. One of these positions, Traditionalist, has been chosen as a focus for further discussion. Fragments of the original discussion have been sorted into seven selected topics and became a material for a second stage.

А.А. Пископелъ

**От западников и славянофилов
до глобалистов и антиглобалистов**

Тема глобализации – одна из центральных в современной гуманитаристике, обсуждающей ее с разных сторон и в разных измерениях: глобализация и модернизация, глобализация и государственность, глобализация и культура, глобализация и история, глобализация и идентичность и т.д. и т.п. При всей сложности и неоднозначности понимания смысла и значения процесса глобализации, реальность которого никто не оспаривает, с достаточной определенностью в дискурсе о нем представлены два вектора, два полярных лагеря – *глобалистов* (приветствующих глобализацию как мировое добро) и *антиглобалистов* (проклинающих ее как мировое зло). Количество работ, посвященных процессам глобализации, трудно обозримо, даже если ориентироваться, в основном, на отечественных глобалистов и антиглобалистов.

Сразу же следует отметить, что каждая из двух сторон располагает своими аргументами и примерами, призванными подтвердить обоснованность даваемых оценок. И надо признать, что и аргументы, и примеры как той, так и другой стороны обладают определенной убедительностью. Проблема лишь в том, что призваны они подтвердить прямо противоположные оценки.

Хотя «объективное» обсуждение процессов глобализации начинается, как правило, с признания их неоднозначности, сочувствующие движению антиглобалистов о ней чаще всего тут же забывают. В лучшем случае предлагается заранее ограничить область явлений, которые тот или иной автор относит и предлагает всем нам относить к процессам глобализации. Уже в этом ограничении явно или неявно проявляется ценностно-смысловое отношение автора к процессам глобализации, та или иная их оценка. Авторы, сочувственно относящиеся к антиглобализму как закономерной и позитивной реакции на процессы глобализации, так или иначе стремятся очертить и ограничить область явлений, относящихся к глобализационным, таким образом, чтобы заранее исключить из нее явления, которые с позиции здравого смысла могут быть расценены как позитивные и, следовательно, желательные как для любого отдельного человека, так и для тех или иных общностей.

Так, скажем, утверждается, что «глобализацией не следует называть расширение жизненного пространства человека, единение народов всего мира, увеличение взаимосвязанности экономических и культурных процессов на Земле и прочие прекрасные вещи, против которых никто, разумеется, не возражает и возражать не может. Что, действительно, может быть плохого в том, что я могу общаться по Интернету с коллегой из Канады или Новой Зеландии и т.д. и т.п.?

ясной. Например, запишем песни в разных географических точках, опубликуем в серии «литературных памятников» и напишем комментарий, раскрывающий историческое значение таких памятников в нашей жизни.

² **Экокультуролог.** Объекты КНД – это представленные в материале (разного типа) способы нашего «практикования» прошлого, способы нашего отношения к прошлому.

Если мы относимся к прошлому как окончательно ушедшему, но ценному, то мы практикуем «память о нем», осуществляем практику «памятования», а объекты называем «памятниками»

Если же мы считаем, что прошлое длится, и мы считаем ценным его продолжение, то воплощаем это в своем образе жизни, в деятельности, «продолжаем» традицию (дело, в смысле производства, или «дело жизни», или еще какую-то деятельность), а объектом КНД здесь выступает традиция. Мы практикуем прошлое через ученичество – у учителей, которых ищем, или родители выступают в качестве учителей. Формы могут быть различные, но важно то, что мы лично самоопределяемся в чем-то, в каких-то действиях, ученичествах.

И два остаточных типа практикования – если мы просто длим все и не практикуем никакой специальной техники, а наследие воспринимается как среда обитания, и последнее – проект, если мы встраиваем прошлое в новую деятельность и таким образом осуществляем адаптацию прошлого к будущим переменам.

Когда речь заходит о конкретных вещах – таких как казачья песня, то это может быть объектом в 4-х разных смыслах, а соответственно, мы будем применять 4 различные техники сохранения.

Критик. А что такое казачья песня как конкретная вещь? Хочу также заметить, что в моем примере фигурировала не «казачья песня», а исполнение казачьей песни.

Экокультуролог. Да, поправлю формулировку, конечно, исполнение, конкретное исполнение.

Критик. На мой взгляд, имеет место значительный прогресс в формулировках.

Вначале:

- «Казачья песня не есть единица рассмотрения наследия».
- «Казачье пение как объект, изученный и зафиксированный в исследованиях фольклористов, есть “памятник”, который можно сохранять. ... Раньше так и понимался объект наследия. Сохранялись отдельные точечные объекты. Сегодня подход изменился, изменился и объект наследия».

Теперь:

- «Объекты КНД – это представленные в материале (разного типа) способы нашего «практикования» прошлого».

– «Если мы относимся к прошлому как окончательно ушедшему, но ценному, то мы практикуем «память о нем», осуществляем практику “памятования”, а объекты называем “памятниками”».

– «Когда речь заходит о конкретных вещах – таких как казачья песня, то это может быть объектом в 4-х разных смыслах, а соответственно, мы будем применять 4 различные техники сохранения».

Традиционалист. Я бы хотел с полной ясностью высказать свою солидарность с тем главным, что сказано Этнокультурологом в последней реплике. Можно еще по уточнить типологические характеристики, но главное – это, на мой взгляд, постановка задачи: чтобы разработать полноценное представление о КНД, нужно изначально брать «объект наследия» в его полноте и целостности. От рассмотрения памятников (а к ним справедливо отнесены здесь оставшиеся от прошлого и сохраняемые организованности) пути к построению понятия КНД нет.

Формалист. Все это хорошо. Можно обсуждать это ваше представление об объекте КН-деятельности. Но вроде обсуждается не ваше представление, ведь вопрошает нас Критик, не вы, и отвечать надо на его вопросы. А вот ваши уточнения – мол, казачьи песни изучаются фольклористами, этнографами, лингвистами, историками и если удастся все эти предметные представления «конфигурировать», то тогда мы сможем говорить о казачьей песне как объекте деятельности – к сути вопроса отношения не имеет. По смыслу вопроса все эти ваши условия и масса других, о которых вы не упомянули, относятся к действительности бытования казачьей песни в качестве объекта наследия. А вопрос ставится в модальности возможности.

Критик. Увы, уважаемый Традиционалист, полной ясности вы не достигли. Если вы способны изначально взять «объект наследия» в его полноте и целостности», то почему бы вам сразу изначально не взять «полноценное представление о КНД»? На самом деле вы ведь так и делаете.

При этом вы не даете себе труда понимать, что говорит ваш оппонент. Я начал обсуждать фиксацию и сохранение *исполнения* казачьей песни в контексте «устной традиции», а не в контексте «памятников» и КНД, а вы начали, не разобравшись, говорить про свое.

Традиционалист. У меня нет ни того («полноценного представления о КНД»), ни другого («объект наследия» в его полноте и целостности»). Но почему же я не могу оценивать перспективности того или иного пути построения «полноценного представления о КНД»?

Критик. На мой взгляд, вы говорили другое, а именно: нужно *изначально* брать «объект наследия» в его полноте и целостности.

Традиционалист. Когда я говорю, что нужен «объект наследия» в его полноте и целостности», я говорю о том, чего заведомо недостаточно. Но при этом не претендую на то, что у меня есть полноценное представление о том, каким должно быть то, что нужно – будь то КНД или ее Объект.

10.

Традиционалист. *Позиция Формалиста и Критика, как я ее понимаю, состоит в том, что нужно выделить некий определенный объект, единичный (например, образец казачьего пения) и по отношению к нему строить КНД.*¹

*Позиция Экокультуролога и Традиционалиста: ничуть не усомневая того, что это нужно делать, следует, для того чтобы эта деятельность была максимально эффективной, расширить предмет рассмотрения и объект КНД, включив в него и другие стороны казачьей культуры и, главное, само казачество как носителя и производителя этой культуры.*²

¹ **Критик.** Неправильно понимаете. От вопроса «можно ли сохранять образец исполнения независимо от судьбы исполнителей?» до КНД «шагать и шагать».

Традиционалист. Может ли казачье пение или единичный его образец быть объектом рассмотрения? Но ведь встает законный вопрос: объектом рассмотрения для чего?

Я полагаю, что это возможно и осмысленно – если рассматривать такой объект как отчуждаемый от казацкой культуры как целого – не непременно от «выпаса коней и порки на площади», а от того, что она есть пока жива и сохраняется преемственность, даже если из нее уходит порка на площади.

Критик. В каком смысле «отчуждаемый»? Если вы издаете, скажем «Е.О.», вы отчуждаете его от культуры?

Традиционалист. Ни в коей мере!

Но дальше встает вопрос: является ли сохранение таких экземплифицированных образцов единицей КНД, т.е. представляет ли оно ее в целом, в ее сущностных характеристиках? (Его и ставит все время Экокультуролог).

Критик. Кто предлагал рассматривать сохранение как КНД? Вы все время сражаетесь с «мельницами».

Традиционалист. А как что вы предлагали рассматривать хранение записанных образцов казачьего пения?

Критик. Как необходимое условие *любой* не бессмысленной деятельности по отношению к «казачьему пению».

Экокультуролог. Эта реплика мне кажется важной, она хорошо поясняет вашу позицию. С этим я соглашаюсь, хотя и отчасти.

С тем, что запись и хранение образцов исполнения казачьих песен, есть условие *осмысленной деятельности* соглашаюсь полностью, но с тем что это необходимое условие *любой осмысленной деятельности* – нет. Поскольку выстраивание общения с носителями традиции, «погружение» в их среду — осмысленное действие, независимое от записи. Это примерно так же, как актер, собирающийся играть роль деревенского мужика, едет в деревню, чтобы на месте «вжиться» в материал роли.

Критик. Ваши схемы возражения меня, мягко говоря, не воодушевляют. Я говорю: «по отношению к “казачьему пению”». Вы возражаете: «независимое от записи». Я – про Фому, вы – про Ярему. Я – про «огород», а вы – про «дядьку в Киеве».

Традиционалист. Но я возвращаю разговор к вопросу о том, является ли сохранение таких экземплифицированных образцов единицей КНД. Я сейчас склоняюсь к двоякому (на двух уровнях рассмотрения) ответу:

1. Можно говорить о двух типах КНД как имеющих дело (1) с отчуждаемыми от культурной традиции объектами, которые рассматриваются как образцовые и включаются в процесс развития другой (отдельной от первой или более широкой, ее объемлющей) культуры; 2) с неотчуждаемыми объектами и потому по необходимости и с самим сообществом, и включающей в себя СТ-деятельность по поддержке преемственности (см. выше).

Критик. Выражение «отчуждаемые от культурной традиции объекты, которые рассматриваются как образцовые» понять не могу. Для меня это смысла не имеет.

Традиционалист. Да, здесь есть недоговоренности, возможно, затрудняющие понимание моей мысли. Для меня, как и везде выше, принципиальным является различие ситуаций преемственности и отказа от преемственности. В одном случае (преемственности, он – второй в цитированном фрагменте) в КНД образец (по интенции) не вынимается из культурного «контекста» и «берется» в главном в том же значении, что он имел в породившей его культуре. В другом случае интенция на преемственность отсутствует, и образец заведомо является образцом чего-то другого. Различие это, я понимаю, в каждом конкретном случае может быть оспорено, поскольку после разрыва, сделавшего необходимой КНД, культурное значение образца (то, чего он образец) не может совсем не измениться. Но я склонен настаивать на существенности различия между этими ситуациями – различия имеющего субъективный источник, но в конечном счете, разумеется, проявляющегося и объективно.

Критик. Ничего не понимаю. Для меня это новое нагромождение совершенно непроработанного содержания. Как может отсутствовать интенция на преемственность в КНД, которая по вашему определению имеет в качестве начала полагание преемственности?

В культуре нет субъективных источников!

Традиционалист. У вас нет, а у меня есть. Итак, продолжу.

2. Первый тип КНД, на мой взгляд, осмысленней рассматривать как неполное изображение второго, ибо, чтобы понять, зачем и почему что-то рассматривается как образец, нужно, чтобы объемлющее общество в этом отношении рассматривало себя как преемника той общности, которая этот образец породила.

Критик. Так вы рассматриваете себя преемником Древнего Рима, породившего образцы...?

Традиционалист. Я уже отвечал на аналогичный вопрос про Древнюю Грецию в топе «Позиция по отношению к объекту деятельности» (обсуждение фрагмента 2).

«Казацкость», какие-то ее черты, составляющие суть казацкого пения и делающие его привлекательным, должны стать частью «большой» культуры.

Критик. На мой взгляд, вы отрицаете тем самым свое представление о преемственности. Конечно же, мы «преемники» культур Древней Греции и Древнего Рима.

Традиционалист. Сложный вопрос. Да, я понимаю, что отстаиваемый мною подход в ситуации глобализации как бы объективно теряет под собой почву, размывается. Мы как человечество (по меньшей мере, его европейская часть) во многих отношениях преемники греко-римской античности. Но мы уже не преемники (или преемники в существенно менее значимом и содержательном смысле) китайской культуры (как и китайцы в отношении Греции и Рима). Русская культура как исторически связанная с православием – преемница греков в своем, особом смысле и отношении. А современная Греция и современная Италия – соответственно, по-своему. Мне эти различия важны, и они, мне представляется, имеют практическое значение – кто в первую очередь отвечает...

Критик. Вопрос об ответственности в культуре не стоит.

Традиционалист. У вас не стоит, у меня стоит.

Критик. С нетерпением буду ждать вашего доклада по понятию «культура».

Традиционалист. Альтернативой этому является сохранение чего-то как объекта лишь изучения и памяти; такое сохранение тоже может рассматриваться как часть КНД, но сохраняемое есть лишь потенциальное наследие, хранимое впрок.

Формалист. И Традиционалист, и Экокультуролог, все время торопятся, забывая, что отнюдь не они являются вопрошающей стороной. В результате тут же к любому ответу прицепляются в качестве «нагрузки» и обвешивают его со всех сторон как игрушки на елке свои соображения на сходную тему. Среди всех этих добавлений и прибавлений совершенно теряется смысл ответа, которого единственно от них ждут.

Критик (Традиционалисту). «Впрок» – это у вас на антресоли. А в культуре все утилизировано, все на своих полочках и актуально нормирует все происходящее в социуме. Знания, говорите вы? И знания находят в ней свое место. Закон Архимеда как знание нормирует подготовку ученика в школе. История, говорите вы? Куликовская битва и Бородинское сражение для вас только «история»? Ничего подобного: это и культура тоже.

Традиционалист. Не могу с вами полностью согласиться. Законы «Русской правды» или кодекс дворянской чести сейчас ничего не нормируют, но в культуре хранятся. Но многие составляющие культуры выступают в ней дво-

яко: по прямому своему значению они ничего не нормируют и хранятся «впрок», но, возможно, осуществляют нормирование социальных ситуаций как-то косвенно, в непрямом значении. Тут нужно разбираться.

Критик. Вы серьезно считаете, что кодекс дворянской чести сейчас ничего не нормирует?

Традиционалист. Не буду здесь категоричен. Возможно, к нему относится то, что сказано в последних двух предложениях предыдущей моей реплики.

² **Формалист.** Опять вы путаете модальность. Обсуждается не то, что нужно, а что можно. От «можно» до «нужно» дистанция огромного размера и она здесь не обсуждается.

11.

Экокультуролог. Можно сохранять казачье пение. Но только есть два разных объекта и две разные ситуации.

Формалист. Это мы говорим, что есть два разных объекта и две разные ситуации. И мы берем один, а на второй нам в данной ситуации наплевать.

Традиционалист. Вы запрещаете второй рассматривать.

Формалист. Да ничего мы не запрещаем! Ерунда какая-то!

Традиционалист. Никто не утверждал, что нельзя рассматривать как объект наследия казачье пение и что нельзя заниматься его сохранением.¹

Но при этом вам говорилось, что наряду с этим существует...

Формалист. Неинтересно это!!! Наряду с этим существует земля, небо, вселенная, Галактика, Господь Бог. Ерунда все это, поскольку одно с другим никак логически не связано.

Традиционалист. Каждый раз, когда вам говорят, что наряду с этим что-то существует, говорите: мало ли что вообще есть наряду и т.д. А вам говорят, что существуют определенные связи между ...

Формалист. Ерунда это. Если ты выделил это как объект, никаких связей нет. И быть не может.

Объект – это то, что имеет самостоятельное существование. Какие к черту связи?! В этом смысле, в этой категории! Если выделен как объект – значит, может сам существовать. Какие связи? Ты же утверждаешь прямо противоположное. У него есть связи, то, се, никакой он к черту не объект. И тут же снимаешь.²

Критик. Я приведу вам такой пример. Предположим, что есть ритуал умерщвления новорожденного ребенка, чтобы умягчить богов в какой-то ситуации. Этот ритуал сопровождается ритуальным пением. Так вот я могу взять в качестве объекта это ритуальное пение. Нет, говорите вы. Сохранять надо весь ритуал, включая умерщвление. Вот в чем мы с вами расходимся.

Так я могу в качестве объекта взять ритуальное пение или нет? Да или нет?

Традиционалист. Объекта чего?

Критик. Объекта сохранения.

Традиционалист. Для меня сомнительно, что сохранение ритуального пения имеет смысл.³

¹ **Критик.** Я не понимаю тогда ваших утверждений:

– «потому что первое бессмысленно без второго»,

– «смысл КНД получает от второго, а не от первого»,

– «церковь в Кижях – является объектом наследия или не является?

Рассматривать ее отдельно от комплекса Кижей бессмысленно»,

– «и да, и нет»,

– «первое, является подсобным и второстепенным»,

– «оспаривалось – я сейчас не обсуждаю, справедливо или нет, – что казачье пение может рассматриваться как целостность для определенного вида деятельности – деятельности сохранения»,

– «для меня сомнительно, что сохранение ритуального пения имеет смысл».

Необходимо также иметь в виду, что я говорил об объекте «сохранения», а не об объекте «наследия». Почему вы решили, что это одно и то же?

Традиционалист. В моем понимании ни одно из перечисленных моих утверждений неравнозначно утверждению «нельзя рассматривать как объект наследия казачье пение и что нельзя заниматься его сохранением».

Критик. Это справедливо, если включать «бессмысленное» в перечень возможных занятий.

Традиционалист. Но я согласен, что точнее развести эти два понятия – объект наследия и объект сохранения. Тогда тем более: против того, что можно сохранять записи казачьего пения (объекты сохранения) я никак не мог возражать, ибо это тавтология. А можно ли это считать «объектом наследия» – это вопрос, решение которого следует отложить до построения этого понятия.

² **Традиционалист.** Путаница происходит вот от чего: казачье пение, даже отдельное исполнение какой-то песни, церковь в Кижях, любой предмет может быть объектом КН-действий (сохранения, исследования, использования в образовательных и иных целях). Эти действия входят в состав КНД. Но мы обсуждаем это (вопрос о выделении объекта наследия) для уяснения того, что такое КНД, ее смысла. И для решения этого вопроса такой подход ничего не дает. Смысл КНД задается не этим. Мы с Экокультурологом пытаемся нащупать такой объект, который был бы смыслообразующим для КНД – как культуротехнической деятельности, ориентированной на преемственность, на сохранение культурных целых, поддержание их жизнеспособности в меняющихся условиях. Это культуротехника – потому что естественным образом они не

выживут и потому что для выживания нужно меняться, – но это КНД, потому что меняться нужно, сохраняя преемственность, т.е. историческое самосознание и какие-то характеристики, которые осознаются как определяющие идентичность.

Критик. В этом фрагменте много чего сказано, с чем я не согласен. Но я обращаю ваше внимание вот на что. Вы говорите: мы обсуждаем вопрос о выделении объекта наследия для уяснения того, что такое КНД. Но это не так. Ничего такого вы не обсуждаете, поскольку априори знаете, что это такое. Для вас КНД – это деятельность по сохранению «культурных целых». А объектом КНД является «культурное целое». Все уже схвачено. И обсуждать тут нечего.

Традиционалист. Мы таки это обсуждаем, поскольку, хотя и предложили свой подход, но выслушиваем вашу критику, в чем-то свой подход корректируем и уточняем, в чем-то надеемся вас сдвинуть.

³ **Критик.** Почему? Это не укладывается в ваше представление о преемственности?

Традиционалист. Я ответил, не подумав. Конечно, сохранение такого ритуального пения вполне возможно. Но осмысленность оно получает в рамках того преемственного отношения к прошлому, о котором я говорил. Мы ни понять не сможем, что это такое, ни воспринять трагическую эстетику такого пения, не узнав в нем *своего* прошлого.

12.

Традиционалист. На самом деле предметом нашего внимания может быть масса разных вещей. На одном полюсе – единичные произведения или единичные организации. На противоположном полюсе могут находиться, действительно, живые, функционирующие общности с их живой культурой. А в промежутке... Если мы имеем, например, казацкого «Пушкина», который сочинил казачью песню и в этом смысле является гением... он помер, и мы сохраняем его произведения. Второй случай: если еще живы казаки и мы собираемся заниматься наследием, то мы можем, с одной стороны, сохранять произведения этого казацкого гения, с другой стороны, точно так же сохранять казацкие ансамбли, в которых отложилась казачья культура разных эпох. Но если еще жива казачья культура, то безусловно предметом нашего интереса и нашей заботы (со всеми сложностями) является и вот эта живая казачья культура.¹

¹⁽¹⁾ **Формалист.** Кто это «мы»? Мы, как субъекты сознания и воли, можем много чего натворить, если есть для этого средства. В том числе не сохранять, а уничтожать. Вопрос ведь совсем в другом. Какое «делание» имеет отноше-

ние к КНД и, соответственно, к обсуждаемой нами теме, а какое к какой угодно человеческой активности.

¹²⁾ **Критик.** Образцы исполнения казаками песен в нашем примере и являются казачьей культурой, если мы их в таком качестве сохраним, выделив как объект.

Традиционалист. Образцы (в каком виде бы они не сохранялись) лишь тогда могут рассматриваться как «казачья культура» (т.е. как ее часть, поскольку эта культура не сводится к пению), когда они составляют неотчуждаемую часть казачьей культуры, и тогда встают все те задачи, о которых говорим мы с Экокультурологом – задачи поддержания преемственности по отношению к этой культуре.

Критик. В этом случае встает только одна задача: огородить «казаков» колючей проволокой, исключить любые контакты и забыть про них.

Традиционалист. Мне представляется, что это карикатурное искажение моей позиции.

Критик. Вовсе нет. Только в том случае «поддержание преемственности» по отношению к культуре в целом будет полноценным, когда оно будет происходить естественным путем, без всякого внешнего воздействия.

Традиционалист. Образ колючей проволоки неправильно передает смысл внешнего и внутреннего – как я пользуюсь этими терминами.

Критик. Напротив, он передает смысл и «внешнего» (в чужой монастырь со своим уставом...), и «внутреннего» (сами разберемся). Это оптимальные условия для предельной, идеальной «преемственности».

Экокультуролог. Но ведь в данном случае речь идет не о том, чтобы «в монастырь с чужим уставом», а наоборот в «монастырь за пониманием устава», если, конечно, вы относитесь к этой традиции как к наследию, а не как к тому, выживание чего вас не касается. Здесь, мне кажется, и проявляется различие в функциональной (операционально-технической) и культурной позициях субъекта действия.

Критик. В «монастырь за пониманием устава» – это *исследовательская* позиция, и речь идет не о ней.

Модератор. Ну, пожалуй, пока хватит...

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции
Вып. 13. М., 2008

ISBN 978-5-86443-152-8

Издательство «Наследие ММК»
Оригинал-макет: Л.П.Щедровицкий

Формат 60x90. Гарнитура Times New Roman
Тираж 150 экз.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 2084

